

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 2 (22) 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

Главный редактор –

Анна Сергеевна Коржавина,
e-mail: ackorgav@mail.ru

Общественный совет журнала

Антон Геннадьевич Хрулёв-Жуков, Татьяна Владимировна Авдеева-Кадникова, Алексей Алексеевич Питиков, Людмила Павловна Захарова, Игорь Юрьевич Коротков

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru, редактор –

Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,
технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,
e-mail: n02011952a@mail.ru

специалист по связям с общественностью – Игорь Владимирович Табаков, e-mail: igor.tabakov.65@mail.ru

секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина, e-mail: ninavs@mail.ru

дизайн – Никита Мошинский, e-mail: SwedenSew@yandex.ru

художник – Елена Кузнецова, e-mail: Elenakuznecova3905@gmail.com

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имён собственных и прочих сведений. Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 03.03.2024. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 5,7. Тираж 200 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 74-14
Тел. +79677016814

веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У.
Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА. НАША БОЛЬ. НАША ПАМЯТЬ

Александр Жаткин. Великий	3
Алексей Шихалёв. Память	3
Сергей Жидков. Весна	4

ПРОЗА

Лариса Москвитина. Чайник	5
Марина Герасимова. Вера	7
Николай Ковалёв. Умный ишак	9

ПОЭЗИЯ

Альберт Комаров. Крылья	12
На пороге	13
Чужой	13
Свеча	14
Пора	15
Ольга Терёхина. «Этот вечер декабрьский бескрайний...»	15
«Январский дождь тяжёлою каплей...»	16
«Январь. Зима без края и конца...»	16
«Купаясь в синей глубине...»	17
«А мне бы немного весны...»	17
Александр Зверовщиков. Сухарь	18
Золотой песок	18
Сияние Севера	19
Иное	19
Соло	20

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Людмила Захарова. Лоза и Муза	21
Александр Костерев. Стойкость	22
Тома Городнова. Метель	22
Александр Меледин. «Мир, в который играли...»	23
Валентина Филатова. Ельник	23
Алексей Патшин. «Укрывшись небом от ненастья...»	24
Нина Стёпочкина. О поэзии Басё	24
Алексей Шихалёв. Январь	25
Татьяна Кит (Курдина). Велосипедистки	26
Сергей Филин. «Врываюсь в бурный мир событий...»	26
Анна Акчурина. Misericorde	27
Алексей Питиков. «Я снова балуюсь огнём...»	28
Сергей Лушан. Качели весны	28
Ольга Корчагина. В. Л. И.	28
Наталья Дурцева. Нечаянная радость	29

Победители конкурса «Одно стихотворение года-2023» – 3 место

Владимир Курков. Звёздочка	30
Татьяна Рузаева. Два в одном	31
Альберт Комаров. К Богу	32
Анастасия Крутецкая. «Спокойствие полуденного солнца...»	33

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов. Служение и «сервис» (окончание)	35
--	----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ирина Немова. Александр Ильич Мозжухин	
«Мне Родина дороже всего» (окончание)	40
Нина Шеменкова. Всё меняется... ..	45

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЕМ»

Виктор Глазунов. Литклубу «Я сень»	48
Лариса Москвитина. Людмиле Захаровой	49
Татьяна Рузаева. Лидии Терёхиной	49

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Евгений Вальс. Киким и Макоша	50
-------------------------------------	----

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Лев Спиридонов. Суслик крапчатый	55
Софья Маркичева. Пёс и Волк	56
Дима Белов. Закат	57

СОБЫТИЯ. ДАТЫ	58
---------------------	----

ВОЙНА.

НАША БОЛЬ.

НАША ПАМЯТЬ

Александр Каткин

с. Канаевка Городищенского района Пензенской области
Великий

На левом фланге, тощий, бледный,
С трудом винтовку волоча,
Он даже своему соседу
Не дотянул и до плеча.

Когда ж на землю ледяную
Упал, приняв последний бой,
То заслонил страну большую –
Такой вот маленький – собой.

Алексей Шихалёв

г. Москва

Память

Вижу белое солнце в зените,
Там под звуки серебряных струн,
Разорвав вековые граниты,
По ущелью грохочет Аргун.

Вижу между высоток палатки,
Закопались в обрывистый склон,
Как огромные дачные грядки,
Только кончился дачный сезон.

Летний дождь да туманы сырые,
Чай индийский на дне котелка,
Мы уходим совсем молодые,
Растворяя в себе облака.

Нас связали суровые нити,
Каждый помнил и каждый хотел,
Чтобы ты никогда не увидел,
В двадцать лет человека в прицел.

Сергей Жидков

г. Пенза

Весна

Чёрной музыкой смерти крадётся весна,
Правоту пистолета воркует весна,
В подземелья и щели струится весна,
Кулаком отомщенья вещает весна.

С потрохами несясь в европейский лесок,
«Нет войне!» – либеральный пищит голосок.
Но упрямо растёт из травы автомат,
И теперь уже каждый на поле – солдат.

В долгой битве за правду у нас из-под ног
Пробивается нового мира росток.
Мы становимся слитком, элитой, стеной,
Потому что Россия – за нашей спиной.

Пусть по русскому берегу пышет весна,
Пусть Америку лютая хлыщет весна.
Больше тонны неправд наша весит весна.
«Жребий брошен, солдат!» – нам сказала весна.

ПРОЗА

Лариса Москвитина

Лариса Борисовна Москвитина родилась 2 июля 1952 года в городе Курган-Тюбе республики Таджикистан. Окончила исторический факультет Душанбинского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко. Работала педагогом в образовательных учреждениях. Печаталась в альманахе «Четверги», журнале «Четверговая соль», коллективных сборниках.

Участница литературного клуба «Я сень».

Чайник

Раз в месяц, получив пенсии, мы с мужем приезжали на машине в районный посёлок Лунино. Это был «выезд в свет», как я его называла.

Деревня, где мы жили, тихо умирала. Закрылись одно за другим: контора, фельдшерский пункт, столовая, магазин, школа. Людское общение было сведено к минимуму, а потому, оказавшись в посёлке, желательным было, хоть чуток задержаться в этом островке цивилизации. На деле это означало посещение не только тех магазинов, где покупалось необходимое для хозяйства и пропитания, но и других, предлагавших не столь обязательные предметы.

Когда процесс основных покупок завершался, я, умоляюще глядя на мужа, спрашивала:

– Можно мне пойти продать глаза?

– Только побыстрее, – снисходительно отвечал он, считая осмотр посуды, тканей, обоев и прочего пустопорожним занятием.

В один из таких приездов, оглядывая витрину с фарфоровой посудой, я увидела чайник. Вернее, их было два. Большие, просто «королевские», заварочные чайники. На пузатом, белоснежном боку одного красовались маки, а бок другого был разрисован розами. Пока глаза, не отрываясь, рассматривали это чудо, вихрь мыслей пронёсся в голове.

– А какой бы я купила, с маками или с розами? Да хоть какой! Как же будет с ним удобно, не надо часто заваривать чай. Да его хватит, пожа-

луй, на целый день. А главное, как великолепно он будет смотреться на столе!

Долго стояла я у витрины, не в силах отойти, с досадой понимая, что чайник-то мне не по карману, цена была впечатляющая.

Сзади подошёл муж.

– Ну, долго ты ещё будешь тут стоять? Что ты тут нашла?

– Глянь, какой чайник! Вот бы его нам!

– Да, хорош! Ну, пошли, всё равно не на что покупать!

Всю обратную дорогу мысль о чайнике не выходила у меня из головы.

В следующий наш приезд, сделав нужные покупки, я сказала:

– Пойду, посмотрю на чайник!

Муж засмеялся:

– Ну, сходи, сходи, может, его уже купили!

Возвратившись, я сообщила:

– С маками купили, а с розами стоит!

Каждый месяц, приезжая в Лунино, я бежала посмотреть на чайник.

Это превратилось в своего рода ритуал.

Прошло больше полугода. Во время очередного приезда, пока муж закупал продукты, я зашла по делам в администрацию, а потом, как обычно, в магазин, посмотреть на чайник. Его не было! Я стояла в растерянности, затем обошла все витрины в надежде, что, может, его переставили в другое место... Увы!

Расстроенная, выходя из магазина, наткнулась на мужа.

– Чего ты, как не в себе? – спросил он.

– Чайника нет. Кто-то купил. Пойдём, спросим у продавцов, может, есть ещё на складе?

Глянув на меня, муж покачал головой и сказал:

– Если бы был, то стоял на витрине. Хватит чудить, домой пора!

К машине я шла на ватных ногах, на глаза наворачивались слёзы, и в сердцах думалось: «Могла бы и раньше купить! Всё тянула, так тебе и надо!»

Открыла дверцу машины и увидела на сиденье, что-то большое, круглое, завёрнутое в бумагу. Всё ещё не веря мелькнувшей догадке, увидела довольное лицо улыбающегося мужа.

Всю дорогу до дома я ехала в обнимку с чайником!

Марина Герасимова

Марина Владимировна Герасимова родилась 7 ноября 1985 года в г. Каменке Пензенской области. Окончила факультет русского языка и литературы ПГПУ им. В. Г. Белинского.

Автор трёх поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Сура», «Студенческий меридиан», «Edita», «Вокзал», «Подъём» и др., а также в различных сборниках и альманахах. Победительница IV Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри», лауреат Всероссийской премии им М. Ю. Лермонтова и губернаторской премии. Редактор журнала «Четверговая соль», член редсовета альманаха «Рой». Участница литобъединения «Риф». Член Союза писателей России.

Свидание

Роман назначил свидание Милославе в самом центре города, возле старого советского ресторана, напоминавшего средневековую крепость. Денег на ресторан у Ромы, как у порядочного студента, не было, зато был бутылёк дешёвого коньяка, плитка белого, как вологодское кружево, шоколада и маленькая, но очень колючая красная розочка, купленная неподалёку у хитрой бабульки.

Милослава оказалась девушкой более чем пунктуальной – пришла на место встречи заранее и уже ждала парня на лавочке.

Завидев её издали, Роман внутри себя заорал: «Ес! Она пришла! Такая красивая! Ко мне! Пришла!!!» – и несколько минут просто любовался её маленькой точёной фигуркой. «И как я подойду? Просто сказать «Привет»? Или молча выразительным жестом вручить розу?». Так долго рассуждал Рома... И в итоге не подошёл, хотелось бы написать, но тогда бы и рассказа не было.

Рома всё-таки подошёл, сморозил сходу комплимент, девушка захихикала. А дальше всё пошло как по маслу сливочному, лежащему несколько часов без холодильника. Ребята нравились друг другу, и общие темы находились бесконечно. Например, красота Милославы и подарок ей – луна,

или, как минимум, бриллиантовое кольцо в случае внезапного незапланированного разбогатения Ромы. Так, сидя на лавочке, они дошли до дна коньячного бутылка – студенты-художники и студентки-филологини пили одинаково хорошо. И когда речь зашла о совместном кругосветном путешествии на корабле (или воздушном шаре), и чтобы никогда-никогда не разлучаться, «в дверь постучали».

Мимо двигались старичок со старушкой – он высокий, ещё довольно крепкий, с бодрой выправкой, в старомодных, но чистеньких и выглаженных брюках и рубашке. Она – в коляске, сухонькая и маленькая, с парализованной улыбкой на один бок. Они о чём-то живо беседовали и выглядели счастливыми, что никак не вязалось с их обликом.

– Вот блин... – произнесла в задумчивости Милослава, – неужели и мы станем такими? А ты будешь катать меня на коляске?

– А по-моему, это очень романтично – провести вместе всю жизнь и встретить вместе старость. В горе и радости, богатстве и бедности! – заявил разгорячённый Рома.

– Надеюсь, я не доживу до таких лет! – успокоила себя девушка, обнимая Романа за шею.

Стал решаться вопрос, в чью общагу идти пить чай.

И тут явилась женщина. Огромная. Не ростом, но зычным голосом, шлющим в телефонную трубку все виды проклятий. Ей вторили трое плачущих спиногрызов. Девочка висела на ней, как мартышка на пальме, мальчонка держался за материнскую юбку, а самое мелкое существо неопознанного пола лежало в коляске и истошно вопило, заглушая все звуки вокруг. Мать-героиня жестами и мимикой, будто в немом кино, требовала, чтобы невидимый ненавистный собеседник немедленно явился домой, да ещё и с деньгами.

Рома, будто бы ничего не видя, продолжал своё любовное воркование про будущий портрет Милославы, написанный его гениальной кистью. А девушка вдруг заявила, что ей нужно срочно домой, подготовиться к завтрашнему семинару – надо прочитать три толстенных книги. Рома пытался шутить, что знания умножают скорбь. Но и сам он книги уважал. Потом он вспомнил фильм про Шурика и совместную подготовку. Милослава то хмурилась, провожая взглядом громкое семейство, то бессмысленно улыбалась. Жаркий вечерний воздух в свете фонарей блестел, будто кривое зеркало. Беспомощные и страшные отражения в нём пугали.

Вдруг в небе появился тёмный овал, отдалённо напоминающий дирижабль. Он быстро беззвучно приближался, мигая зелёными огнями. Вскоре летательный объект завис над ними, ребята увидели, как открылся люк, и из него брызнул столп света. Точнее это оказалась лестница, сотканная из прозрачного света. Заиграла мелодия из неизвестной ребятам классики, Милослава встала с колен своего спутника и двинулась вверх по светящейся лестнице. Вскоре люк за ней закрылся, а летающая штука исчезла в небе.

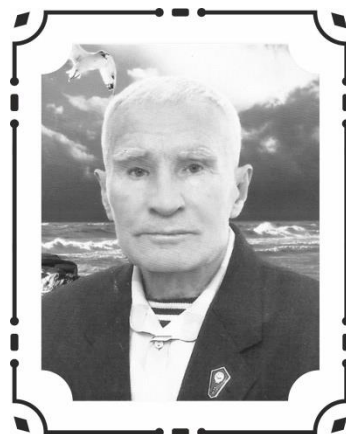
Обалдевший Роман был в оцепенении, только правая рука непроизвольно шарила по лавочке. Студент пришёл в себя, когда розовый шип больно впился ему в ладонь.

Больше они не встречались.

Николай Ковалёв

Николай Васильевич Ковалёв родился в Киргизии. Окончил рыбопромышленный техникум в Казахстане. Работал мастером по добыче рыбы на рыболовных траулерах в Баренцевом море и Атлантическом океане, а также главным инженером рыбпромхоза и старшим ихтиологом Восточного Среднеазиатского рыбоводного хозяйства.

Написал мемуары «Воспоминания в прозе и стихах». Публиковался в газетах «Ленинабадская правда» в Таджикистане, в «Любимой газете» и альманахе «Перекрёсток».

Умный ишак

Признано, что ишаки глупые и упрямые животные, а умный ишак был только у Насреддина в прошедшие века в период правления Бухарского шаха.

Что это не так, я и мой брат Володя убедились, ещё проживая на руднике.

Мы ходили в горы за алычой и яблоками. Приносили в рюкзаках по два ведра. Но однажды, увидев у своей кибитки гурьбу бродячих ишаков, мы решили поймать одного из них, не ретивого и не упрямого, и «пригласить» в поход за алычой.

Поймали и отправились в горы. По ровной местности поочередно ехали на нём, а в гору не получилось – сползали со спины к хвосту и прыгивали. Поднялись на вершину горы и спустились к зарослям алычи. Набрали плодов в рюкзаки по два ведра и ещё четыре в мешок. Мешок положили на спину ишаку, рюкзаки – за плечи и отправились в обратный путь.

До подъёма горы шли успешно, радовались своей смекалке в «приглашении» ишака. Но при подъёме на гору возникла проблема: мешок сполз к хвосту, упал и покатился. Догнали. Положили его на место. Верёвкой опоясали грудь ишака, а концами закрепили мешок. Теперь мешок не сползал, но верёвка сдавливала грудь и горло ишака, и он начал задыхаться. С трудом поднялся на гору.

На спуске мешок пришлось крепить наоборот. Чтобы он не сползал со спины на шею, верёвку заправили ишаку под хвост. Спустились с горы успешно. На плато решили передохнуть. Мешок и рюкзаки сняли. Ишак

пасся рядом с нами, а мы сидели на валунах. Радовались, что везём целых восемь ведер алычи. Правда, в рюкзаках алыча целёхонька, а в мешке – месиво.

Утешили себя тем, что она годится на пастилу после варки и сушки.

Потом разговор переключился на ишака.

– В сравнении с человеком ишак – глупый. Он не догадается от нас сбежать за всё, что ему пришлось испытать, – сказал брат.

«На то он и ишак», – пришли мы к общему выводу.

– Ну что, пора продолжить путь. Лови ишака, держи за шею, а я погружу мешок, предложил я.

Он подошёл к «помощнику», но за шею ухватить его не успел. Ишак рванул бегом по тропе, которая вела к руднику. Высоко подбрасывая задние ноги, он сверкал копытами, выражая волю и свободу.

Я побежал за ним в надежде, что он перейдёт на шаг, и мне удастся его поймать. Но не тут-то было.

Ишак скрылся из видимости. Мы с братом стали думать, что делать с мешком. Решили вывалить мятую алычу на плоский камень тонким слоем и при очередном походе собрать уже высохшую. Впоследствии алычу на камне мы не обнаружили.

Но вернёмся к нашему беглецу.

По приходу домой я увидел «товарища» со своими сородичами. Оказалось, что у него есть хозяин. Тот искал его во время самовольной отлучки, не догадываясь, что отлучка была принудительной. И вот он в недоумении смотрит на него: где пропадал весь день? Хозяин-узбек оказался мне знакомым. Я подошёл к нему.

– Не могу понять, почему шерсть у ишака чем-то вымазана, а спина покрылась коркой? Где он был? Что на нём возили? – всплеснул он руками.

Я с невинным видом провёл пальцем по спине животного и говорю:

– Спина не масляная, можно отмыть.

Пошёл и принёс ковшик и щётку, и хозяин, черпая воду из ручья, легко смыл засохший сок алычи.

В следующую субботу мы встретились ещё раз: мой знакомый узбек ехал на ишаке, а сзади него шла молодая узбечка. Я спросил:

– Куда едешь?

– Везу жену к старшей жене в кишлак в гости, – ответил он.

– Так она же не едет, а идёт, – удивился я.

– Э, я еду, мне 70 лет, а ей 18. Поэтому она со мной тоже едет, – ответил он.

Вот такое у него понятие: если он едет, значит, он её везёт.

– Твоя жена говорит по-русски?

– Нет! Мой жена не надо знать русский, будет умный, женщинам у нас запрещено говорить с незнакомыми мужчинами. Но если будет жена

грамотный, то выберет себя молодой муж, у который нет деньга на калым. Их много на рудник рабочих после армий, 2–3 год копят деньга на калым.

– Посадишь жену на ишака?

– Нет! Ишак поможет.

– Как?

– За хвост жена будет держать. Нога лёгкий шаг будет. По-русски буксир называется.

Они продолжили путь по тропе в гору. Женщина ухватила рукой ишака за хвост. Зрелище было неопишное.

Примерно через месяц, встретив старого знакомого на руднике, я спросил мужа двух жён:

– Как живёшь? Как ишак?

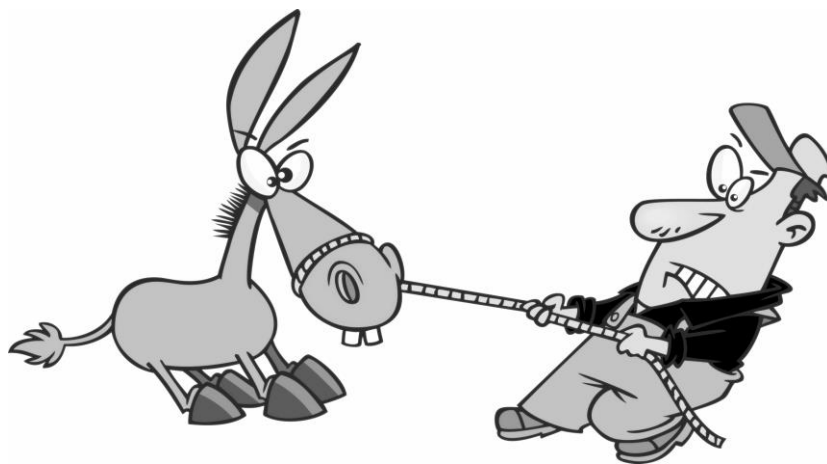
– Хорошо. Было мал-мал плохо, – ответил он. – Жена бежал. Я её папа сказал, если мой жена не придёт, то верни калым. И жена пришёл.

Этот узбек работал на руднике рабочим горного цеха. Отработав неделю, уезжал с молодой женой к старшей, в кишлак. У старшей жены в кишлаке дети, хозяйство, сад, огород – забот полон рот.

А с молодой женой он жил на руднике в браке. Жена ему готовила еду, стирала одежду, ходила в магазин.

В период Советской власти двоежёнство пресекалось. Но под видом родства мужчины ухитрились обманывать власть. Даже члены КПСС. Также скрывалась и вера в Аллаха коммунистами-мусульманами.

Но я уже отклонился от темы моего рассказа. Ведь рассказ-то о ком? Правильно! Об умном ишаке.

Поэзия

Альберт Комаров

Альберт Валерьевич Комаров родился в 1966 году в Заречном (Пенза-19). Окончил Пензенский политехнический институт, Высшую школу рекламы при МГСА.

Работал в НИКИРЭТ, различных коммерческих структурах, в городской администрации. Затем несколько лет возглавлял Владивостокский филиал дочерней структуры Газпром Медиа Холдинга. В 2021 году вернулся в Заречный.

Автор книги «Мысли вслух и про себя», публикаций в ряде коллективных сборников и в альманахах поэзии закрытых городов Росатома. Член Российского союза писателей.

В счастливом настоящем

Крылья

Я себя оставил где-то в прошлом,
А живу в счастливом настоящем –
Суетном, безумном и раёшном,
Забывая о себе тогдашнем,

Где я молод, за спиною крылья,
Денег нет – да разве ж это важно?!
Променял на псевдо-изобилье
Я свои мечты из дней вчерашних.

Нынче в небо – только самолётом.
Всё – согласно купленным билетам.

И почти забыт он, вкус полёта,
А безумство называешь бредом.

И лежат, покрывшись паутиной,
Крылья в гараже. В глазах усталость.
А на смену мыслям-исполинам
Вдруг приходит сытенькая старость.

Но иной раз глянешь ввысь с надеждой –
Может, полетать, хотя б немножко
И вернуться тем, каким был прежде...
Но на ужин борщ. И макаронки...

На пороге

Я, наверно, уже не вернусь,
Как бы мне ни хотелось вернуться,
Просто эта вселенская грусть
Не даёт мне назад оглянуться.

И несёт меня жизни поток,
Проживаешь года, не считая,
Лишь отмерянный Господом срок
С каждым днём приближается к краю.

И от этой незримой черты
Поведёт меня дальше дорога
Через горы, поля и мосты,
И на ней повстречаю я Бога.

Я к ладоням его прикоснусь,
Предо мною врата распахнутся...
Я, наверно, уже не вернусь,
Как бы мне ни хотелось вернуться.

Чужой

Наверное, я всё же здесь – чужой,
А стать своим не очень-то и хочется,
За право быть всегда самим собой
В награду достаётся одиночество.

И пусть уж опостылел мне мой крест,
Но сколь прекрасно это состояние!
Не уронить достоинство и честь,
Не умолять о жалком подаянии,

Не лгать, не продаваться, не просить,
И пусть несёт волна к далёкой пристани...
Как трудно, чёрт возьми, бывает жить
Когда лишь зеркала с тобою искренни,

Когда кричишь ты, словно в пустоту,
И знаешь, что не быть тебе услышанным
Когда уже совсем не вмоготу,
Когда ты привыкаешь к роли «лишнего»,

Когда ты веришь только сам себе,
Не ждёшь совета, помощи, участия,
Когда наперекор слепой судьбе
Идёшь навстречу собственному счастью,

Когда вокруг тебя лишь миражи,
А по ночам рвёт собственными мыслями
...
Как всё-таки прекрасно – «быть чужим»!
Не быть «своим» – цена за Независимость.

Свеча

И в миг, когда моя свеча померкнет,
Я, стоя у обрыва на краю,
Смогу сказать
– Эй, ангелы, и черти!
Возьмите всё. Не троньте Честь мою.

Возьмите жизнь, она того не стоит,
Возьмите мою душу, мою песнь,
Возьмите всё, чего я был достоин,
Я всё отдам. Я не отдам лишь Честь.

Возьмите всё, что нажил, что имею,
Возьмите всё, что было и что есть,
Всё, чем живу, дышу, люблю, болею –
Я всё отдам. Я не отдам лишь Честь.

Пора

Вдруг понимаешь – всё уже сказал,
А этот мир ничем не удивить.
И гаснет медленно огонь в глазах,
И рвётся жизни тоненькая нить.

Но как же так – ведь я ж ещё живой!
И я ещё чего-то там могу!

...

Харон склонился молча над водой,
И лодка ждёт меня на берегу...

Ольга Терёхина

Ольга Евгеньевна Терёхина (Якушкина) родилась 10 июня 1967 года в Пензе. Окончила Пензенский государственный педагогический институт по специальности «Русский язык и литература».

Занималась в литературном объединении у Николая Куленко, участвовала в семинарах молодых писателей и поэтов Поволжья, печаталась в коллективных сборниках. Стихи публиковались в пензенских газетах.

Работала журналистом в издательстве «Наш дом» (газеты «Аргументы и факты – Пенза», «Молодой ленинец»), в настоящее время редактор на новостном интернет-портале Penzainform.ru.

Член Союза журналистов России.

Январский дождь

* * *

Этот вечер декабрьский бескрайний,
Эту зимнюю синюю жуть
Мы с тобой коротаем украдкой,
Опасаясь удачу спугнуть.

Ветер в окна ударит с размаху,
Хлопнет форточка, звякнет стекло.
Мы запрямся от чёрного страха:
Нам вдвоём и тепло, и светло.

Все тревоги до времени сбросив,
Возвращаясь назад с полпути,
Друг у друга немногого просим:
Отогреться – и снова уйти.

* * *

Январский дождь тяжёлою капелью
Стучится в сумерках в оконное стекло.
Сегодня ночью тучи отсырели
И падают на город тяжело.

Среди зимы запахло вдруг апрелем,
Чернеющий асфальт блестит от слёз.
Но только я тому дождю не верю:
На город утром спустится мороз,

И та вода, что, как весной, журчала,
С рассветом превратится в гололёд,
И снова повторится всё сначала, –
Январский дождь обманывает, врёт.

Как прежде, будет хлёсткий и железный
Слепящий ветер продувать насквозь,
И снег глаза, как прежде, будет резать,
И землю снова закуёт мороз.

И вместо курток лёгких будут шубы,
А наст скуёт и землю, и сердца.
Январский дождь – нелепейшая шутка,
Зиме не видно края и конца.

* * *

Январь. Зима без края и конца.
Прозрачные и синие морозы.
И человек с букетиком мимозы
У белого от холода лица

Исчез в толпе, не услышав вопроса.
Но жёлтых шариков крупитчатая россыпь
Подобьем чудного весеннего венца
Вдруг брызнула, как солнечные слёзы
И вырвалась из зимнего кольца.

* * *

Купаясь в синей глубине,
К нам солнце било через шторы,
И мы чертили на окне
Замысловатые узоры.

Ещё не треснуло стекло,
Ещё не вздрагивали руки,
Но между нами пролегло
Предошущение разлуки.

Упала тень наискосок,
И чашка звякнула о блюдце...
Ладонью тру больной висок
И снова силюсь улыбнуться.

* * *

А мне бы немного весны – хоть кусочек, хоть капельку,
Чтоб вспомнить, как в марте чернеет и плавится снег,
Как солнце швыряет веснушек весёлые крапинки,
Как медленно сон исчезает со смеженных век.

А мне бы глоток голубого и терпкого воздуха,
И солнечный луч, растворившийся в мутном ручье...
Я в память бегу от зимы для весеннего отдыха,
Устав от бессолнечных дней и беззвёздных ночей.

Александр Зверовщиков

Александр Евгеньевич Зверовщиков родился 31 августа 1965 года в Пензе. Окончил Пензенский политехнический институт по специальности инженер-механик специальности 0501 «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты». Российский учёный в области технологии машиностроения. Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Технологии и оборудование машиностроения» ПГУ.

Александр Евгеньевич увлекается альпинизмом, экстремальным мотоспортом и джипингом, фотографией. И ещё он поэт и музыкант, автор двух сборников стихотворений, публиковался в журнале «Четверговая соль», коллективных сборниках. Руководитель рок-группы «Вне координат». Участник литературного клуба «Я сень».

Золотой песок

Сухарь

Сухарь – предмет без лишних граней,
Козырный, без непрошенной воды,
Он в рюкзаке и на привале раннем
Не грузит массой лишней лабуды.

Он твёрд и прочен, крепок и спокоен –
Бисквиты в хлам соседски перетёр.
Сухарь – боец, простой и честный воин,
Конец его – чай, кружка и костёр!

Золотой песок

Я собираю по крупичам
Следы друзей, что в даль ушли:
Размытые туманом лица –
Монетки в бархатной пыли,

Крупинки в хламе описаний,
Ложь очевидцев, как песок,
Их оплавляет веры пламя,
Уносит времени поток.

Наверное, всё это – старость:
Пытаться в прошлое бежать...
А в прошлом – гордость или жалость,
И невозможность всё понять.

Так, в сите памяти нетленной,
Водой архивов и молвы
Намоется песок бесценный...
Щепоткой мизерной, увы.

Сияние севера

Знамёна солнечного ветра
Летят, меняя складок тон.
То в ритме сонном менуэта,
То вдруг срываясь на чарльстон.

Для всех струится свет на сопки,
Но город фонарями слеп.
И лишь саам сидит, неловкий,
Глядит, грызёт с трескою хлеб.

А среди звёзд – медведь могучий,
Волк оборвал оленя бег,
Чум бога, лось, песцы на круче...
Сидит саам, черкает снег.

А через час измятый полог
Сплетёт зима из облаков.
Рисунок снегом стёрт.
Лишь холод
На бельмах ледяных белков.

Цное

По комнатам неслышно бродят тени,
Танцуют и смеются в тишине
За тонкой гранью зыбкого забвенья
В закрытом отражающем окне.

На тёмной пашне облачного неба,
Блеснут созвездья брошенным зерном.
Галактик пыль на вкус мукою хлебной,
А лунный свет – разбавленным вином.

Забывший бог, живущий по соседству,
Махнёт изящно пятою рукой.
И я ответно улыбнусь по-детски –
Мой мир не странный, просто он иной.

СОЛО

Возьми отдельные три ноты,
Свей нить простую без затей,
Метни её зигзагами полёта,
Звук нитью гибкой в твёрдый воздух слей.

Лети быстрее, легче, звонче,
Продляя тонкую черту,
Свечою вверх и, молнией закончив,
Касаньем пальцев взрезав пустоту!

Гитары гриф – теперь гортань и связки,
Сверхтонким лезвием колеблется струна,
Без нот бумажных, мёртвых, без указки
Свободна и горячечна она.

И вырви снова, снова, снова,
Из тишины пронзающий аккорд,
Что прозвучит иным обличьем слова,
Вонзаясь в небо, яростен и твёрд!

Сыграй вопрос, сыграй ответ,
Забыв про славу и хлопки из зала,
Когда остынет звук, погаснет свет,
Останется лишь то, что прозвучало.

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ
подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Евдмия Захарова

г. Никольск Пензенской области

Лоза и муза

Лоза и Муза повстречались,
Две сокровенные подруги,
И вдохновенно увенчались
Вином и Песней их потуги.

Вино и Песня долго зрели:
Вино – в кувшине, Песнь – в душе.
Переливаясь, душу грели...
И вот душа летит уже!..

То над горами песня – эхом,
То затихает, то дрожит...
Лоза и Муза – пир успеха!
Поэта к морю путь лежит...

Вино искрится – капля солнца,
А песня – птица в вышине...
И чару осушив до донца,
Поэт увидел смысл в вине.

Александр Костерев

г. Санкт-Петербург

Стойкость

Оловянный солдат из призыва обломанной ложки
на бессменном посту охраняет мячи и матрёшки,
не пугают бойца вой пластмассовых пуль и картечи,
наша форма крепка, не допустим каверны и течи...

Наша форма крепка, и солдат достаётся сынишке,
защищают войска мирный отдых потёртого мишки,
ни к чему выбирать между танком и старой кобылой:
а солдатик – участник боёв, и в живых – подфартило...

Да, участник боёв, и ему отступить не пристало,
сколько их полегло в искорежённых грудах металла?
Не сгорел, не обмяк, не поддался на сладкие речи,
оловянный солдат – он, по сути, такой человеческий...

Не красив, не урод, в трудный час не преклонит колена,
не китайский, а тот (из любимых отцом), довоенный...
Оловянных солдат не упрячешь в обшарпанный ящик.
Дай им, Боже, любви, не игрушечной, а настоящей.

Татьяна Городнова

пос. Бессоновка Пензенской области

Метель

Сердилась, кружила, летела
Метель вдоль домов и берёз
И песню протяжную пела,
И было мне грустно до слёз.

Густыми снегами покрыла
Земли опустевшую твердь.
Казалось мне: время застыло,
Замкнув белоснежную клеть.

Отложены планы и встречи,
И сердце стучит невпопад,

Порывом задуло все свечи,
Душевный нарушила лад.

Цыганкой седой, прозорливой,
Метель на любовь ворожит,
И хлопья летят беспрерывно
На тёмные тропки души.

Александр Меледин

г. Саратов

* * *

Мир, в который играли,
Снег, который ловили...
В полумгле замирают
Всполохи автомобилей.

Просто беззвучным криком
Вдруг отворилась осень,
Просто все мои книги
Остались стволами сосен,

Спешным шагом сквозь площадь,
Мёртвым письмом в шинели –
Что же, так оно проще,
Надежнее и честнее.

Долгий, пыльный проулок,
Тупое лезвие ночи –
Просто в груди кольнуло
Чуть пристальнее и звонче...

Валентина Филатова

г. Сердобск Пензенской области

ЕЛЬНИК

Осень. Зябка. Буйный ветер
Все деревья обнажил,
Но отпор у елей встретил,
Хоть и яростно кружил.

Ели иглы заострили –
Их защитные штыки –
Ветру путь загородили,
Его буйству вопреки.

Набесился, стало горько,
Восвояси улетел.
Приосанясь, на пригорке
Ельник гордо зеленел!

Алексей Матшин

г. Кемерово

* * *

Укрывшись небом от ненастья,
Как в новолуние река,
Смочила крыльями запястья
Губ журавлиная тоска...

Невыносимое сиротство!
Ват глухота. Немотство пут.
Верленом русским к прусской койке
В оковы слова закуют.

Костями Изборника – поэмы
Посмертно встанешь на дыбы;
Длина – стопа стихотворенья
Равна молчанию судьбы.

Нина Стёжочкина

г. Пенза

О поэзии Басё

Из подсознания, сновиденья
Тишайший бабочки полёт.
Слов стайка, взлёты и паренье.
Прочтёшь и – сакура цветёт.

Не много слов. Штрихи. Негромко.
И только нужные мазки –
Как кимоно у вишни комкал –
Искал созревшие соски,

Про радость тоненького стебля,
Что согнут лёгкой стрекозой,
И мысли не плутали в дебрях,
И наступал в душе покой.

Под ряской ждём мы вод забвенье,
А там – водовороты чувств.
И знай: не будет звонким пенье,
Коль тронутый сосуд не пуст.

И снова мыслей разноцветье –
Рисунки – в веер, в кимоно...
Неведомо им долголетье,
А долгозимья не дано...

Алексей Шихалёв

г. Ижевск

Январь

Стали дни исключительно резки,
Стали ночи морозно-длинней,
Это гонит январь в перелески
Табуны белоснежных коней.

На пригорках от края до края,
Юный снег удивительно чист,
И ложится по ветру, играя,
Запоздавший осиновый лист.

По ухабам петляет дорога,
Я по ней, как тот лист, запоздал,
Шёл один без креста и без Бога,
Но на счастье тебя повстречал.

Пусть былое уже не вернётся,
Всё исчезнет!
Печали и страх...

Только мы!
И январское солнце
Золотится в твоих волосах.

Наталья Кит (Курдина)

г. Сердобск Пензенской области

Велосипедистки

Дорогой проезжаю,
а не обочиной,
на великах «Школьник»
и в платьях с оборками
гоняли когда-то мы
с Валькой – соседкой.
Машины тогда были
роскошью редкой.
Нас трюки с горы
никогда не пугали:
мы ноги – на руль,
отпускали педали.
Пылила дорога,
свистели колёса,
и бантами ветер
играл в длинных косах.
Блестели на солнце,
как золото, спицы.
Мы мнили богами
себя в колесницах!..
В крутой поворот
не вписались – досада.
И двоечник Петька
кричал: «Так и надо!».

Сергей Филин

г. Пенза

* * *

Врываюсь в бурный мир событий,
Безумства, глупостей, идей!..

Я там откроюсь для открытий,
Закрывшись от пустых людей...

Ещё – увижу краски ночи,
Услышу музыку тиши,
И среди тысяч многоточий
Найду изюминку души...

Ещё – влюблюсь я непременно
В тебя, да что там говорить! –
Я назову тебя Вселенной!
Чтоб во вселенной этой жить!

Анна Акчурина

г. Казань

Misericorde

Только затеплится утро,
жернов высот зашумит –
вьюги колючая пудра
запорошит мёрзлый скит.

Вот уж о нём ни приметы –
скляница жизни пуста.
Спрячь нас за пазуху лета
кроткая Мати Христа!

Ангельский рой ждёт подмоги.
Азбука зимних небес:
вымеси глину тревоги
в хлеб неизбывных чудес.

Много голодных на свете –
сердце живое не спит.
Лишь распахни свои клетки –
птичий народ налетит:

писк, и возня, и забота...
В пряже устанут сновать
пальцы озябшие Клото.
Зрячему – можно ли спать.

Но лишь одно мгновенье
Продлился женский век,
Ведь я обыкновенный
И смертный человек.

Между двух дат – лишь прочерк,
Где мы с тобой сгорим.
Остался только отсвет
Пылающей зари...

Наталья Дурица

г. Пенза

Нечаянная радость

Три дня засилье серых туч.
Дожди стучат по крыше.
И вдруг – весёлый солнца луч
Пустил нам кто-то свыше.

И вмиг рассеялся туман,
И ветер притаился,
А на берёзе сарафан
Весь бисером покрылся.

И семицветною тесьмой
Вдруг небо разделилось,
Теплом повеяло, весной,
Всё враз преобразилось.

Словами трудно передать,
Поверить в нереальность!
Пришла на сердце благодать –
Нечаянная радость.

Победители конкурса «Одно стихотворение года-2023»

3 место

Владимир Курков

г. Заречный

Звёздочка

Мариуполь вызволен. Всюду гарь
и срад.
Силуэты издали разглядел комбат.
Порванное платице, расплелась коса.
Испугалась, пятится, в пол-лица глаза.

И тогда спросил её пожилой солдат:
– Как зовут-то, милая? Кто с тобою –
брат?
– Я Алина Стешкина, Ванька –
мой сосед. Мамы, папы, дедушки,
брата больше нет.

Обнял воин девочку, накормил пайком
вместе с Ванькой.

Ленточки ей поправил он.
– Подари мне звёздочку,
дяденька солдат.
Как война закончится, приходи назад.

По щеке предательски проползла слеза.
– Это обязательно! – ком сглотнув,
сказал.
– Буду жив, хорошая, я тебе звезду
золотую, может быть, даже принесу.

Уходил с тяжёлою ношей на душе.
Надвое расколото сердце. И уже
не забыть глазастую. Ваньку не забыть:
щёки перемазаны, ручки – не отмыть...

Солнце скоро спрячется. На траве роса.
Порванное платице. Русая коса.

Сложенные лодочкой руки.
Вслед:
– Постой!
Нет, не надо звёздочки. Приходи живой!

Татьяна Рузаева

г. Пенза

Два в одном

В задачнике
любови неразделённой
Ответов нет,
а значит, выбор есть:
На тщетную надежду
обречённый,
Сложеньем, умноженьем
увлечённый,
Не знает знаменателя
влюблённый,
Знамения угадывая весть.

Неразделённость –
значит нераздельность,
Бессилье
оторваться и уйти,
И приговор на цельность
(не бесцельность!)
Совместности отдельного пути.

Неразделённость –
значит перегрузка,
Избыток,
непосильный одному,
Рубец на сердце
из-под петли узкой
Тщеты,
что в одиночку подниму.

А может быть,
любовь неразделима,
Как вздох
под горлом
перед самым дном?
И с ровным сердцем
ты проходишь мимо.
Моё ж — грохочет,
словно два —
в одном...

Альберт Комаров

г. Заречный Пензенской области

К Богу

Судный путь на Голгофу у каждого свой —
Позади сотни метров с крестом на плечах,
И разносятся крики «Распни!» над толпой,
И ладони пробитые кровоточат.

А толпа, что пришла Твою Казнь посмотреть,
С интересом взирает на муки Твои.
И забавой для них станет новая смерть —
Развлеченье, замешанное на крови.

Капли крови песок превращают в бетон,
И сверкает на солнце копьё палача.
В ликование толпы тонет каждый Твой стон,
Под терновым венцом гулко вены стучат.

Казнь свершилась. Пилат свои руки умыл,
Равнодушно разбрёлся народ по домам.
Ты отдал за них жизнь. Их грехи искупил.
Ты их любишь. Не будет для них «Аз воздам!».

Я пытаюсь понять, но не в силах постичь —
Почему Ты прощаешь своих палачей?
Ничего им не стоит забрать чью-то жизнь.
Но зачем Ты их любишь?
Скажи мне — зачем?!

И когда час пробьёт для Голгофы моей
И копыя наконечник зайдёт под ребро,
Заструится по древку кровавый ручей.
...Как суметь сохранить в своём сердце Добро?!

Приз и памятный подарок в номинации «Надежда» получила молодая поэтесса из г. Заречного Анастасия Крутецкая

* * *

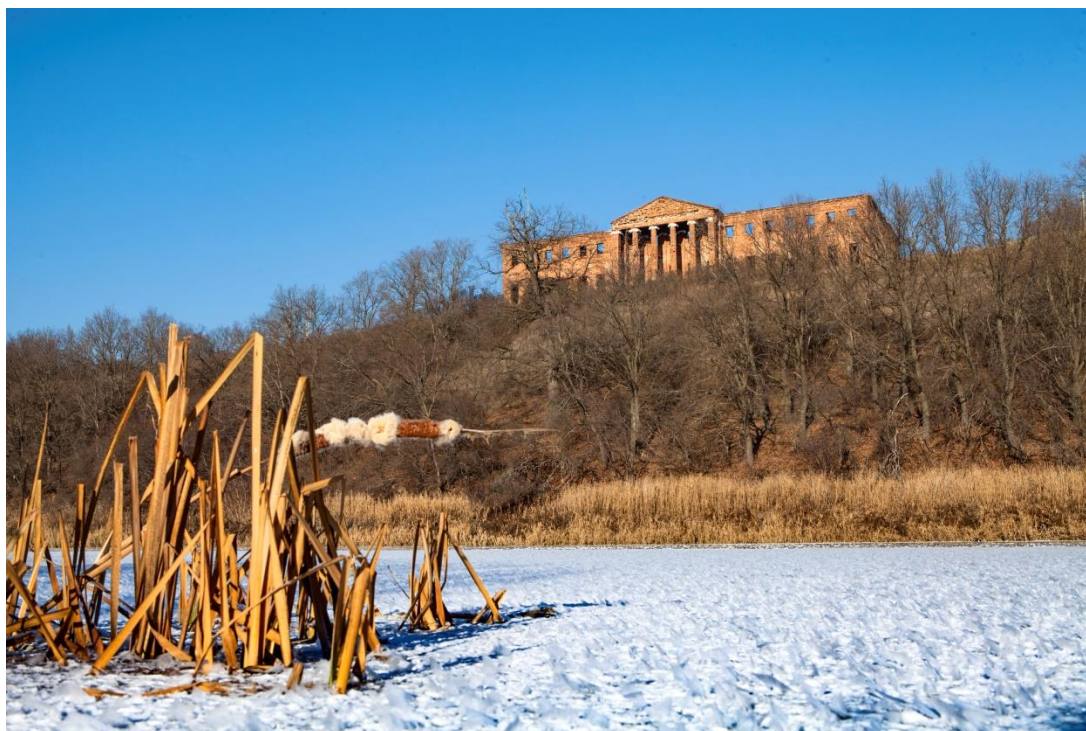
Спокойствие полуденного солнца
Я счастьем для себя не назову.
Мне нравится, как летний гром смеётся,
Как ветер гнёт июньскую траву.
Мне нравится, как ливень по аллеям
Неудержимо струями бежит.
Мне нравится, как белым ломким змеем,
Врезаясь в небо, молния летит.
Мне нравится с тобой идти по лужам,
Чтоб дождь хлестал в лицо, и гром гремел.
Я не люблю покой. Он мне не нужен,
Ведь мир вокруг так искренен и смел.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ

Фотографии с пензенского форума любителей-краеведов
«ПЕНЗОВЕД.РФ», основанного 6 июня 2012 года в г. Пензе

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился в 1972 году в Красноярске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького по специальности «Поэзия» (семинар С. И. Чуприна и Т. А. Бек). Печатался во многих российских журналах, в газетах «Книжное обозрение», «Литературная Россия» и «Литературная газета» и во многих других печатных органах.

Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. А. М. Горького, научный сотрудник Издательского совета Московской Патриархии, главный редактор портала «Правчение.ру».

Служение и «сервис»

*Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно?*

А. С. Пушкин. Из Пиндемонти.

Окончание. Начало в № 1–2024

Вопрос о выборе жизненной канвы рано или поздно встаёт перед каждым зрелым работником той или иной сферы производства материальных и иных благ, и тем более словесности, которую за последние сто лет уже несколько раз окликали «С кем ты?».

А вариантов – и было, и есть, и будет всего два.

В стране издавна и насмерть противоборствуют всего две партии, пусть и под различными, да ещё и постоянно меняющимися наименованиями. Одна – русская, другая – антирусская. И впечатление складывается такое, что каждый раз, называя себя, обе они стесняются назвать себя родовыми именами – одна, очевидно, из великой скромности и пиетета перед

самим словом «русский», а другая – из почти нескрываемой неприязни и ненависти к нему.

Странно годами, десятилетиями засыпать и просыпаться в России, дышать её воздухом и называть себя «антирусским». Но не выбрано никакого иного слова для избравших себе в качестве жизненной стратегии сокрушение национальных начал, называемых то «скрепами», то «шовинизмом», то «имперскостью». Смертельно боясь национального возрождения, считая его преддверием гнёта для остальных народов, а то и аккуратно и безнаказанно выбрасывая в прессу прямо антиконституционное «мнение» о том, что России давно пора раздробиться на десятки удельных княжеств с тем, «чтобы мир её больше не боялся», эти люди просто обязаны сказать о себе то, что сказать боятся – что они суть заклятые враги России, её жизненных и ментальных пространств, её уклада, исторического и бытийного почерка. Так было бы честнее, но правомерно ли говорить о какой-либо честности, когда она уклончиво именует себя «несогласием» и «оппозиционностью»?

Как бы не затенялась напластованиями «текущего момента» истинная суть их деятельности, «по плодам их» прекрасно видно, какая партия подгоняет всех нас в бездну, а какая пытается оттащить от её края.

ИЗ ЛИЧНОГО. Вступая на литературное поле юнцом лет эдак с тридцать назад, я поначалу не понимал, как различать одних и других: и те, и те в костюмах, ни смокингов с цилиндрами, ни лаптей с косоворотками. И только через несколько, может быть, месяцев начал проступать передо мной изрядно размытый пейзаж, обозначенный некоторыми осевыми для того времени фигурами.

Один: вальяжный, вечно над всем усмехающийся, любящий в литературе «карнавальное начало», снисходительно – если не презрительно – относящийся к самому тексту, каким бы он ни был. «Важна не суть, а упакровка. Теперь время масок, и выигрывают гонку за славой личины, образы, а не смыслы», – дословная его речь образца «святых девяностых».

С того «карнавала» и заметелило: имитация всего и вся – на коне, а остальные, настоящие, подвижники и столпники – не у дел. Фуршетная словесность на подсосе у господ богачей – вот к чему они все тогда вели. К безудержному веселью. Кропайте детективы, чирикайте рекламные слоганы, станьте прихваткой нового НЭПа, зарабатывайте не тем, чего хотите, а тем, что сегодня от вас требуется – так нас напутствовали, так выпускали из одного гуманитарного вуза. Вышли, оглянулись – темно. Пурга. Некуда идти. С порогов гнали.

А вот иной – суровый, желчный, с трагическим выражением обтянутого пергаментной кожей черепа, видимо спокойный, но перетянутый, как струна, готовая лопнуть. Пережив девяностые, он и погиб, а тот, первый, бонвиван, в каждом номере своего журнала рассуждавший о либерализме и заливисто благодаривший дорогого Джорджа Сороса за неуклонную

поддержку, и ныне здравствует, надеясь как-то перемочь некоторые смещения акцентов. И то сказать – буря пройдёт, а все те же самые, как мы знаем по опыту и видим теперь, останутся у руля, при всех рычагах управления. Да и время наше в отношении малейших репрессий в культуре – самое что ни на есть вегетарианское. Есть с чем сравнить. Потому и не о чем этим господам беспокоиться.

Я выбрал русскую партию далеко не сразу. Постепенно и медленно уклоняясь от антирусской партии, можно претерпеть вид не идеологического дрейфа, но нечто большее – путешествие по самому себе. По тому, во что можно верить, а во что ни в коем случае нельзя. И более того – оглоушенный либеральной пропагандой, я испытал путешествие по самому себе вместе со всем народом. Это же он, сотни тысяч ещё советских в оснастке своей интеллигентов, далеко не нравственных вырожденков, а обычных трудяг, смотрели программу «Итоги» и хаживали на демократические митинги, голосовали за всякую, простите за выражение, шелупонь, и лишь к началу нового века начинали понимать, что их вульгарно и подло обманывали, и что за словом «свобода» не стоит ровным счётом ничего, кроме обогащения апокалиптических подлецов.

Скажут непременно – «изменнику и перебежчику веры нет». И пусть скажут именно так. Имеют право. Версия несколько глубже: «Не нашёл себе места среди истинно свободных людей и укрылся среди таких же, как сам – затравленных, закомплексованных, раненых империей и не признающих её мучительницей». Я слышал такое неоднократно. И знаю, что не империя убивала и убивает сегодня, а её отсутствие, непонимание того, что только имперская власть, осознающая себя имперской, и способна удержать пространства, и накормить, и излечить голодных и больных, защитить угнетённых и приструнить всевластных. Власть, которая не осознаёт себя имперской, то есть, хозяйкой в собственной стране, обречена замкнуться в кругу обогащения за счёт народа и потому обречена на его нелюбовь. И «свобода» здесь совершенно не причём: она провозглашается вовсе не для всех, но для элитарных слоёв, которым открывается возможность бесконечно богатеть.

Всё это я в какой-то мере понимал уже в 1990-е, и с теми же убеждениями «гордого бедняка» отучился в одном гуманитарном вузе, знакомство с преподавателями которого открывало некоторые возможности для печати. Семинар мой был на большую часть свою генетически антирусским, и, дотянувшись до того, что поближе, полагая посвятить себя словесности, я начал печататься в либеральных журналах, испытывая тихую и тайную муку, которую сегодня можно назвать когнитивной.

Меня никто не стеснялся. В коридорах либеральных журналов и газет царил цинизм. Ядовитый дурман обрушившихся барьеров стоял в людях, их мимике и жестах, направлении мыслей. Они не столько завидовали тем, кто сколотил состояния, сколько одобряли их нацеленность на скола-

чивание именно состояний, были вне себя от «новых русских», восхищались наглостью, порой даже подлостью их деяний и даже непролазной тупостью их цельностью звериных натур, а утончённостью – то убийц, то воров. Это был их идеал, нашедший множество воплощений, это была их цель – перековка патриархального общества «святош» на лютые джунгли, в которых священный для них «естественный отбор» восстановил бы первобытную атмосферу пожирания слабых и очищения от идеологических наслоений. Они поклонялись тому самому Злу, против которого восставал и Христос, и только что сокрушённый ими социализм.

Воздух, пропитанный их торжеством, скоро начинал отравлять, если нельзя было разделить их буйных восторгов. Каждый визит в редакции такого рода оставлял ощущение участия в сатанинской мессе.

ПАРАДИГМА БЕСНОВАНИЯ. Генезисом либерализма ещё мало кто занимался. Возможно, «леваки» и «радикалы» – особый и довольно частый подвид социального аутсайдерства, нашедшего вместо саморазрушения физического (алкогольного, наркотического) ещё и способы разрушаться ментально, «срывая покровы». Больше всего «леваков», разумеется, не в науке, но в искусстве, но и люди науки слишком часто демонстрируют поразительно неандертальскую левизну взглядов, этическую и эстетическую безграмотность в том, что есть человек.

У штатных либерал-идеологов – «манеры». Они бы и хотели казаться аристократами, но слишком шумны и горделивы. Речь аффектированная, с явной попыткой непререкаемо доминировать над любым собеседником. Есть в них что-то если не победоносное, то предчувствующее скорую победу, просто-таки через пару минут – революционные изменения к некоему всеобщему благу, разряжающееся временами откровенным восторгом перед самыми радикальными выражениями человеческой натуры. Любая открытость при отчаянной левизне взглядов отчаянно же и хороша, но особенно прекрасна – обнажённость, и знак её не важен.

Взойди, новая заря! Грянь, буря, сорви покровы!

Нетерпение, предвкушение – те самые черты, по которым легко отличить низового бунтаря, тот самый «прокариат», он же социально-бродильный фермент. Такому бы верой своей во всемогущество частного человека-гордеца срывать целые горные хребты, но отчего-то радость его при виде крушения «основ» («скреп») охотнее всего ныряет в откровенную бесовщину. Сей «буревестник» не просто подобен чёрной молнии – каждый из них готовит себя в камикадзе, обречён к сгоранию на жертвенном огне ещё не виданного мира.

Я спрашивал у одного радикала, написавшего роман о порнографии (!) в две тысячи каком-то году, какой мир хотелось бы ему приблизить. Он честно и откровенно сказал: Апокалипсис. Тогда я задал ему следующий неизбежный вопрос – зачем? Он ответил, только чуть замешкавшись, и, возможно, спросив себя самого: да достало всё.

Мизантропия и русофобия как её следствие не может родиться из ничего: ранний росток, она проступает в ущербности и национальной, и родовой. Даже превышающий средние значения интеллект просто обязан сделаться здесь орудием ненависти к роду людскому. Здесь, в бесновании, становится совершенно неважным, что и ты сам принадлежишь к людям – желание уничтожить и уничтожиться становится всепоглощающим.

Я сам видел, как в человеке проступает бешенство Князя Тьмы, вечно пленника преисподней.

«Как-то не задалось, надо стереть с доски, начать заново» – вполне детсадовская, максимум школярская страсть. Видимо, языческая модель перевоплощений гарантирует, что в каком-нибудь следующем из них ничтожный изверг родится властительным князем, и тогда уже не понадобится ничего переиначивать по определению, но ничтожество нынешнего «воплощения» обязывает пылать и поджигать.

Антирусская партия стоит и будет стоять именно на уничтожителях любой жизни, мстителях за своё ничтожество. Ещё не слишком ясно понимая цели и задачи бунта, молодой бунтарь уже покушается не только на себя, но и на судьбы окружающих. Неисповедимая грязь личной жизни сочетается в нём кровосмесительным браком с опытами «самопознания» – приёмом горячительных и галлюцинаторных средств, «духовными практиками» по вызову враждебных духов и поисками у них защиты, сексуальными девиациями. Всё это – элементы «тёмного причастия», выхода за отведённые обществом границы приличий. Именно за ними для левака – счастье отличаться от себе подобных, прорваться «на другую сторону», а в духовном смысле – предать человеческую суть и уступить место в теле сущности мстительной и бесконечно злобной.

«Бурная молодость» – не просто обозначение, а образ жизни, впитывающийся в самую подкорку. Ненавидя опричников Грозного, «леваки» проходят путём полностью идентичным опричным пляскам – групповым оргиям, ритуалам посвящения в нелюди. После добровольных, «из любопытства» нравственных падений, сходных с описанными в «Бесах» Достоевского, человеку уже невозможно вернуться к обычной жизни. Полночное бытие формирует из него крушителя основ, готового бомбиста.

В старости либерал представляет собой зрелище страшное. Понимая, что жизнь потрачена на бесовщину, душа его становится обителью теней. Прижизненный труп, размалёванный, с застывшим выражением ужаса на лице, бывший левак – что-то вроде Пригова. Клякса пространства, готовая исчезнуть от любого прикосновения нравственной силы, превышающей её разумение.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Материал подготовила

Ирина Немова

Ирина Борисовна Немова родилась в с. Волхонщине, Кондольского р. Пензенской области 17 января 1969 года.

Окончила Пензенское культпросветучилище. Работала библиотекарем. После обучения на юридическом факультете СГА более пятнадцати лет посвятила юридической практике. В 2018 году переехала жить в Крым и там занялась краеведением. Она нашла захоронение генерала П. С. Котляревского в Феодосии. Принимала участие в научных конференциях. В 2022 году вернулась в Пензу. Получила дополнительное образование как экскурсовод и гид. Ирина Немова ведёт исследования рода «Мозжухиных-Карассарини», «Горюшкиных-Сорокопудовых» и др. Материалы её исследований опубликованы в газетах «Сурские просторы» и «Пензенская правда».

Александр Ильич Мозжухин МНЕ РОДИНА ВСЕГО ДОРОЖЕ

Окончание. Начало в № 1–2024

ЛЮБИМАЯ РОЛЬ. БОРИС ГОДУНОВ и... ШАЛЯПИН

В 1909 году, в Казани, я в первый раз спел роль Бориса Годунова, которая была мною спета более 1500 раз, много больше, которая является моей коронной и любимой ролью, любимого моего композитора М. Мусоргского – гения русского искусства и гордостью такового.

О работе над ролью. Свою лучшую и любимую роль Бориса Годунова в начале своей карьеры я исполнял тоже, как говорится, под Шляпина. Но вот когда я научился видеть себя из публики, в то время когда я был на сцене, я понял, как рискованны мои потуги копировать Ш., с которым мы внешне физически различны. Правда, есть средства сделать фигуру и выше, и плотнее, но это ведь будет искусственная фигура. Шляпин же начи-

нал своё внешнее перевоплощение от своей натуральной фигуры. Я понял, как осложняю свою работу своим копированием внешности Шаляпина. Может быть, создавая свои роли, он шёл от своей фигуры. И вот повторяю, когда я, Мозжухин, который сидел в публике и видел себя, Мозжухина, играющего Бориса под Шаляпина, пришёл к нему и сказал: оставь то, что ты делал, и начни сначала. Сломай всё и создай новое, но идя от себя, от своих индивидуальных данных. Стоя за дверью перед выходом на сцену и слушая свою выходную музыку, обратил внимание, что выход-то Бориса у Мусоргского сделан не на плавной мелодии, а на аккорде в одну восьмую, который берёт весь оркестр на фортиссимо. Это навело меня на мысль, что ведь я, исполняя роль Бориса, не могу выйти спокойно, как это делал до сих пор и как этот импозантный выход запечатлелся у меня, видя перед собой Шаляпина, который подходит к мамке, испугавшейся его выхода и кричащей громко: «Ахти!»

Чего ей пугаться, когда вошёл отец к своим детям и, надо добавить, любящий отец своих детей. Это не был какой-то Иван Грозный. И вот у меня сразу в моём воображении переродился образ Бориса с этого момента. Аккорд этот, сопровождающий мой выход, навёл меня на следующее положение. Борис идёт по полутёмным коридорам палаты, и, может быть, не с намерением войти к детям, и чувствует, что убиенный им младенец преследует его, у которого он всё время на уме и который всё время зовёт его к ответу. Нервы напряжены... до последнего предела. Воображение вышло из повиновения разуму. Вот, вот, малютка уже близко, хватает его за полы, и Борис ищет спасения от этого призрака, бросаясь в дверь первой попавшейся горницы. И он не входит, спокойно открывая дверь, а прямо-таки врывается в терем и не лицом к публике, а спиной, всё время с устремлённым взглядом в коридор, ища взглядом преследующего его младенца. И его, застывшего в этой позе выводит из оцепенения крик мамки «Ахти!», которая сама испугалась такого появления царя Бориса. Стоя ещё спиной к публике и вглядываясь в полуоткрытую дверь, говорит: «Чего, аль мыши?». Из полного оцепенения его выводит Ксения, к которой подходит не Борис, как обыкновенно, а она, и кладёт ему руку на плечо. Тогда уже Борис подводит её к столу, за кото-

рым она сидела до его выхода. Сцена с Фёдором, сцена с Шуйским были проводимы мною совершенно в новых мизансценах. Этот выход, про который я сказал, заставил меня и в дальнейшем вести роль в таком же настроении. Это больной душой и телом человек, потерявший душевное равновесие и ищущий утешения даже у такого изверга, который по его намёку убил царевича, как Шуйский. Поднимая его, упавшего пред ним на колени, он умоляет его сказать всю правду.

ПЕРВЫЙ СОЛЬНЫЙ КАМЕРНЫЙ КОНЦЕРТ В ИСТОРИИ РОССИИ

В сезоне 1916–1917 годов я дал концерт только из произведений Мусоргского в камерном исполнении, что являлось историческим фактом, т. к. до моего концерта у нас в России открытых публичных выступлений одного камерного певца всей объявленной программы не было. Концерт был дан в Большом зале консерватории. Мною было дано начало таким концертам и одержана полная победа у публики и у прессы. На концерте присутствовал А. К. Глазунов, профессора, ученики. А. К. Глазунов поздравил меня с таким замечательным и заслуженным шумным успехом.

КРУЖОК ДРУЗЕЙ КАМЕРНОЙ МУЗЫКИ. Петроград

В апреле 1922 года, в Петрограде, мною был организован «Кружок друзей камерной музыки», который имел огромное воспитательное значение для народа, всё нарастающей аудитории и для артистов.

АЛЕКСАНДР МОЗЖУХИН И ЕГО «ВАГНЕР»

Я пел эту партию каждый день всю полным голосом. Это дало мне возможность выйти победителем над той вокальной трудностью, какую представляет эта роль. У меня была, как говорят, впета каждая нота.

И я был свидетелем того, как два певца не могли допеть эту оперу, и один из них навсегда потерял голос.

Опера эта была поставлена при открытии театра «Музыкальной Драмы» и прошла десять раз подряд через день, и единственным исполнителем партии Ганса Закса был я. Опера шла тогда «без купюр». Я подчеркиваю – «без купюр», потому что исполнение этой партии и с купюрами, как она шла в других театрах, очень трудно. Партию Закса надо петь почти ДВА ЧАСА, да если ещё прибавить тесституру, в которой она написана, то станет понятна её трудность. В Мариинском театре опера Вагнера была снята с репертуара, т. к. ни один из солистов не смог справиться с партией Ганса Закса. Шаляпин «Вагнера» не пел.

«РУССКАЯ ОПЕРА В ПАРИЖЕ». НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН. ГРАЖДАНИН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В 1926 году мы получили разрешение на выезд за границу для обследования и лечения и одновременно с этим — на проведение гастролей в Германии, Франции и Италии.

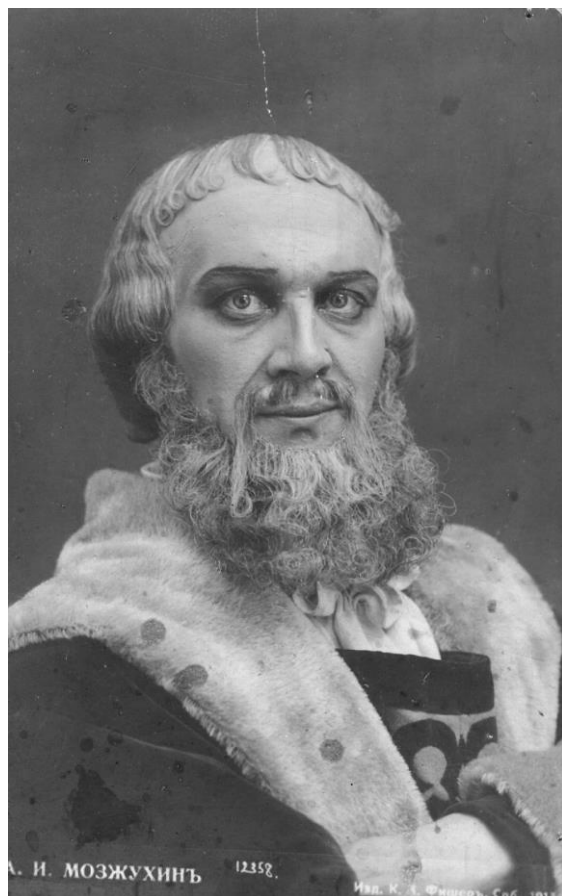
В Париже я организовал оперную труппу с дирижёром Агреновым-Славянским, которому помог выйти из условий тяжёлого кризиса. Назвал я это дело «Русская опера в Париже». Поставлена была опера «Князь Игорь» в зале Гаво с исключительным блестящим успехом у публики, при аншлагах. Я пел две роли: Галицкого и Кончака. Это был первый из русских оперных коллективов, созданных во Франции в 1920-е годы.

Всегда пел на русском языке. Это было безоговорочным условием любых гастрольных контрактов.

В первый день объявления войны немцами Советскому Союзу я был арестован немецким офицером и двумя солдатами, взят был больным (я ещё лежал после воспаления лёгких тяжёлой формы), взят с кровати, отвезён в Главную комендатуру, на следующий день в концентрационный лагерь фашистов в Компьен, Франция. Не каждому понятно, что означает быть в концентрационном лагере советскому гражданину.

В одной из статей меня включили в список как эмигранта. Написал в редакцию. Попросил опубликовать опровержение: «Позвольте поставить Вас и читателей Вашей газеты в известность о том, что я эмигрантом никогда не был. По паспорту, дающему на это право, и по своему убеждению я признаю себя гражданином, и чем очень горжусь, нашего Великого Советского Союза».

Постоянно, ещё до войны, мы подавали заявления о разрешении выезда на родину. Из письма в консульство: «Мы хотим ещё с Клеопатрой Андреевной служить нашему дорогому нам искусству не за границей, а там, у себя, на дорогой земле, где искусство нужно для души как хлеб для тела и отдать нашей дорогой родине наши знания, всего себя молодому поколению, отдав все свои силы, умение, всё, чем дышит наше существо,

нашу любовь, преданность, отдать всё нашему советскому народу и нашему великому, непобедимому Советскому Союзу».

ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ. ПАМЯТЬ И НАСЛЕДИЕ

Последний концерт А. И. Мозжухина состоялся 5 июля 1950 г., в день, когда в Париже отмечалось 175-летие Московского Большого театра. Как и прежде, аккомпанировала семидесятидвухлетнему артисту неизменная спутница жизни – Клеопатра Андреевна Карассарини. Последние два года жизни он тяжело болел и до последнего вздоха мечтал вернуться на Родину. В 1952 году он был похоронен под Парижем рядом с братом Иваном.

Главным завещанием Александра Мозжухина было вернуть на родину десятилетиями собиравшиеся архивы – свой и брата – киноактёра Ивана Мозжухина. Эти свидетельства двух честно прожитых трудовых жизней должны были сыграть свою роль в восстановлении в СССР доброго имени братьев Мозжухиных и памяти о них. После смерти мужа единственной целью жизни Клеопатры Андреевны стало возвращение на родину и выполнение его завещания. Только в 1966 году нашёлся человек, сумевший помочь Клеопатре Андреевне вернуться – народный артист СССР Михаил Царёв.

27 апреля на Северном вокзале Парижа многочисленные друзья её и Александра Ильича проводили Клеопатру Андреевну и «пожелали ей благополучного возвращения и тихой жизни на родной земле».

В 1968 году большую коллекцию личных вещей, афиш и концертных программ братьев Мозжухиных, хранящуюся в краеведческом музее, в Пензу привёз Александр Васильевич Тюстин, который вёл переписку с Клеопатрой Андреевной.

В 1971 году в Москву выезжал Владимир Николаевич Армиевский – историк, педагог, краевед, создатель Кондольского школьного музея. Он встретился с Клеопатрой Андреевной и привёз часть архива на родину Александра Ильича. В 1989 году в Кондоле был открыт Музей братьев Мозжухиных.

Архивы семьи Мозжухиных хранятся во многих музеях России, да и всего мира. Самое ценное – это записи его голоса и двадцать тетрадей рукописного текста, написанного самим А. И. Мозжухиным, охватывающие период 1930–1950-х годов. В них отображён творческий путь певца до 1925 года, а также его жизнь и деятельность за рубежом, наполненные напряжённой работой: концертами, гастролями, встречами. Это воспоминания артиста «Моя жизнь от рождения», «Моё детство», «Моя автобиография», «Как я сделался артистом»; статьи «Творчество артиста», «Что нового в советской музыке?»; стихотворения; письма и другие документы, которые хранятся в Кабинете рукописей РИИИ.

Нам ещё многое предстоит узнать о своём земляке, интереснейшем человеке и непревзойдённом артисте мировой сцены. И это достойно гордости и доброй памяти.

Нина Шеменкова

Нина Александровна Шеменкова получила высшее экономическое образование. Советник государственной гражданской службы РФ 1 класса. Ветеран труда.

Автор 14 книг стихов и прозы. Неоднократно печаталась в периодических изданиях, журналах «Сура», «Четверговая соль», в коллективных альманахах.

Лауреат IV областного поэтического фестиваля им. Д. Д. Злобиной, 18-го областного Купринского конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер», Дипломант III Московского международного литературно-музыкального фестиваля-конкурса им. Сергея Клычкова «Душа моя, как птица», победитель конкурса к 85-летию Николая Рубцова «По морю любви и поэзии» – Санкт-Петербург (2021 г.). Участник литературного клуба «Я сень». Член Союза писателей России.

Всё меняется...

Надумали мы с мужем прогуляться по улице Ключевского, бывшей Боевой, где прожили со своей семьёй около 16-ти лет.

Новое название улица получила в 1966 году в честь 125-летия со дня рождения историка Василия Осиповича Ключевского, а 28 января 1991 года, к 150-летию со дня его рождения в доме, где он родился, был открыт музей его имени.

С него-то и начались мои воспоминания. Дом-музей отреставрирован, принимает экскурсии и проводит семинары, презентации, выставки...

Наша улица удивляла прохожих зеленью, цветочными клумбами и резными наличниками на окнах, на крылечках и на фасадах домов. Резьба,

простая и замысловатая, разная по окраске, была своеобразной визитной карточкой каждого дома.

Вспомнилось, как, гуляя с дочерьми, я обращала их внимание на изумительную, мастерки выполненную народными умельцами резьбу. На Ключевского ещё сохранились кое-где образцы деревянного зодчества конца XIX–начала XX века.

Выцветшие от времени деревянные дома не кажутся серыми. Они таят в себе разные оттенки – от фиолетового до зелёного, жёлтого, радужного... Стоит только солнечному лучу осветить постройку. Особенно красочно старые дома смотрятся после дождя. Не цветное ли разнообразие родной улицы повлияло на восприятие мира моими дочками – две из них успешно окончили художественную школу.

А вот и некогда наша калитка, окружённая зеленью, на которой уцелел и номер дома – 22. Но теперь за высоким металлическим забором стоит двухэтажный коттедж.

У нас в доме не было водопровода. Воду носили из колонки, бельё стирали в прачечной, по субботам ходили мыться в Ивановскую баню. Основные продукты закупали в «синеньком магазине». Называли его так, вероятно, из-за окрашенного синей краской козырька над крылечком.

Тёплые воспоминания нахлынули на меня, когда проходила мимо места, где стоял соседский дом – с его жильцами мы были очень дружны. Дети в их дворе играли в лапту, в жмурки, в испорченный телефон и многочисленные игры того времени. На противоположной стороне улицы перед нашими домами находился деревянный помост – своеобразная сцена, на которой пели, танцевали, читали стихи, ставили юмористические сценки. Случалось, к молодёжи присоединялись и бабушки.

Впоследствии неперенные участники самодеятельности Дмитрий Кинге и его сестра Наталья посвятили себя искусству. В Пензе Наталью знают как руководителя отделения хореографии в колледже культуры и искусств, режиссёра драмтеатра по хореографии и постановщика танцев во многих проектах. А Дмитрия – как художественного руководителя Центра театрального искусства «Дом Мейерхольда».

Увы, теперь и на месте дома № 20 построено какое-то учреждение. Стало грустно.

Дошли до Боевой горы, которую коренные пензяки порой ещё называют Поповой, поскольку на ней стояли особняки священников. Новое название она получила после белочешского мятежа – была последним оплотом обороняющихся от врага горожан. В детстве мы с этой горы зимой катались на лыжах и санках. В юности по ней я бегала в парк им. В. Г. Белинского на свидания... А после по выходным всей семьёй поднимались кататься на аттракционах. Прежних деревянных домов вдоль этой улицы не осталось. Современные коттеджи на ней тоже утопают в зелени... Дорога заасфальтирована.

Из парка спускаемся по Тропе здоровья. Гуляла я по ней лет тридцать назад. Теперь она выглядит печально: местами асфальт разбит, повсюду опасные размытые ямы, скамеечки требуют ремонта, почти нет тренирующихся и отдыхающих. Ощущение безжизненности. И только в памяти всплывает сокровенное и некогда важное...

А вот и родник, но мне кажется, что он грустно нашёптывает: «Теперь вот так... теперь вот так...». Вода из трубы уже не течёт, мягкая струя толчками выбивается из-под земли... Потихоньку так выбивается, старается выжить. Чистая, вкусная. Помнится, за ней выстраивались в очередь, теперь вот так...

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЬ»

Виктор Глазунов

пос. Подлесный Пензенской области

Литературному клубу «Я Сень»

Я пишу стихи... Получается!
И подруга моя восхищается!
И сегодня стихотворение
Мной написано с вдохновением.

Отнесу его на собрание.
Сердце ёжится в ожидании:
Расчехвостят там всё до малости –
Чуть не плачу к себе от жалости.

– Тут бессмыслица, штамп замызганный,
С ритма сбился...

Весь, как обрызганный
Из ушата водою с тиной...
И пришлось заняться рутиной.

Подлатал, удалил, исправил всё...
Самому вариант понравился.
Вновь несусь его на собрание...
Так томительно ожидание!

Там шлифуют стихи до блеска –
На поляне, в конце пролеска,
Где бушует цветущий Клевер –
Отведают зёрна от плевел.

Елариса Москвитина

г. Пенза

Людмиле Захаровой

Сомнений нет, она поэт.
К тому же бард. С гитарой дружит.
Да и рисует много лет,
И Мельпомене верно служит.
То фестиваль, то конкурс вновь.
Когда она всё успевает?
В душе её живёт любовь.
Всё, чем богата, людям дарит!

Татьяна Рузаева

г. Пенза

Лидии Терёхиной

Лествицы ступень преодолев,
Истины лучи увидишь ближе.
Длится эхом песенный распев
И волна притихший берег лижет.
Ясень и берёза, наклонясь,
Тонкими сплетаются ветвями.
Еле льётся сквозь густую вязь
Ровный свет зари – медово-рдяный.
Ёкает, сжимается, зовёт
Хрупким сном разбуженное сердце
Источить строкой полынный мёд
Непростых путей – глубин, высот,
Аурой предутренной зардеться.

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Евгений Вальс

Евгений Вальс (Евгений Владимирович Васильев) родился 22 октября 1976 г. в г. Омске. Окончил ОмГПУ. Член Союза литераторов РФ. Автор семи книг. Публиковался во многих журналах и альманахах. Лауреат литературной премии имени Ф. М. Достоевского. Победитель международного конкурса «Зимняя сказка».

Киким и Макоша

В сказочный лес пришла зима. Украсила она поляны пышными сугробами, словно взбитыми сливками праздничный торт, не забыла и про ёлки с берёзками, одела их в белоснежные пушистые наряды. Многие звери сменили шубки под стать времени года, кто-то уснул в тёплых норках и не видел инея на ветках и хороводов метелицы. Три месяца стужи не каждому придется по душе, но последний день декабря любят все без исключения.

До полуночи было ещё далеко, а Киким уже примчался в землянку лесной Кикиморы к её внучке Макоше, чтобы вместе встретить Новый год. Праздник они любили, хотя мало походили на обычных детей: они скорее напоминали мохнатые муфточки на тоненьких, как веточки, ножках, а весной на их головах распускались листочки и даже цветы.

Они давно сели за стол и поглядывали на часы, но стрелки так медленно двигались, будто их кто-то заморозил. Киким, нетерпеливо постукивая длинными пальчиками по своей кружке, оторвал взгляд от маятника и посмотрел на Макошу:

— Ты, кажется, хвасталась, что названа в честь древней богини и умеешь колдовать?

— Я? — растерялась Макоша. — Я умею только усыплять и пробуждать нашу бабу. У неё в последнее время сон пропал, вот и колдую. Слышишь, как храпит?

– Ага, – удручённо почесал лысую макушку Киким: к зиме с неё опали все дубовые листочки. – И ты больше ничего не умеешь?

– А чего ты хочешь?

– Хочу поторопить время, чтобы скорее пришёл Дед Мороз и подарил нам подарки.

– Как было бы чудесно! А то пока он всех объедет – к нам только под утро заглянет, – согласилась Макоша и задумалась. – Слушай, тут в землянке хранится старая колдовская книга, ещё от Кощея осталась... Вот только... Мне нельзя её брать.

– Кикимора же спит! Давай возьмём книгу, а потом на место вернём, будто ничего и не было, – предложил Киким.

Им хотелось поскорее получить подарки, а стрелки часов упрямо не желали двигаться быстрее. Не вытерпела Макоша и достала из тайника колдовскую книгу.

– Нужно только найти подходящее заклинание, – пробормотала она, листая ветхие страницы.

Толстая, тяжёлая книга с картинками была совсем как живая: иногда рычала, если Макоша неосторожно переворачивала страницу, а иногда плевалась каплями дождя или сухими осенними листьями.

– Вот, нашла! Мы можем приманить новогодних коней Деда Мороза. Они примчатся в этот же миг, и тогда для нас наступит Новый год! Подойдёт?

– Подойдёт. Я даже приманку нашёл! – Киким вертелся возле корзины с ароматным мхом, который Кикимора засушила на зиму. – Давай на мох приманивать, он так сильно пахнет, аж в носу свербит!

– Но его меньше, чем корзин с клубками шерсти, – указала на стол и под лавку Макоша.

– А зачем они нам? Кони шерсть не едят.

– Конечно, не едят! Давай приманивать лошадей на мох, лишь бы эта шерсть не помешала заклинанию.

На том и сговорились. Киким поставил на стол корзину со мхом, а Макоша произнесла над ним заклинание. Колдовская книга зарычала и захлопнулась, лучинки, освещавшие землянку, погасли. Густой мрак окружил двух проказников, и только их оранжевые глаза светились в темноте. В тот же миг с улицы донеслись странные шорохи. Вцепившись друг в друга, и дрожа от страха, друзья подкрались к двери.

– Кто там? – прошептал Киким, наострив уши.

Возня за дверью усилилась. Было похоже на трепыхание огромных крыльев.

– Разве у Деда Мороза летающие кони? – пробормотала Макоша.

– Что если мы приманили кого-то другого?

– Кого же?!

Одновременно друзья вспомнили о трёхголовом летающем Змее Горыныче и юркнули под стол. Потревоженное чудовище вряд ли спустило

бы им такую шалость! Однако в землянку никто не влетел, не ворвался, не вполз. Только раздался гулкий звук падения, как будто тот, кого приманил аромат мха, просто свалился от усталости или мороза. Вновь воцарилась тишина, и двое проказников решили выглянуть за дверь. Они просунули узкие мордочки с острыми носиками в щель и уставились в темноту леса. В тусклом свете луны шевелились три сугроба.

Осторожно друзья подкрались к ним: на снегу лежали три гигантских бабочки, а точнее, моли. Своими размерами они ничуть не уступали лошадям. От холода бедняги оцепенели и лежали неподвижно.

– Нужно их затащить внутрь, – предложила Макоша, – а то совсем замёрзнут.

– Интересно, откуда они появились, да ещё такие огромные? – растерялся Киким.

– Может, заклятье превратило лошадей Деда Мороза... в моль?

– С чего ты это взяла?

– Ну, клубков шерсти больше, и они стоят рядом со мхом...

– Тогда где же их хозяин?

Опасаясь, что он скоро явится, друзья перенесли моль в тепло. Бабочки выглядели чуть живыми: крылья напоминали корки льда, а лапки повисли, как сосульки.

– Нужно срочно вернуть им прежний облик! – встревоженно произнёс Киким.

– А вдруг мы сделаем ещё хуже? – забеспокоилась Макоша. Очень уж ей не хотелось огорчать Деда Мороза.

– Что может быть хуже?! Открывай скорее книгу!

Макоша бросилась к увесистому томику заклинаний, но тот зарычал, не желая открываться. Вдвоём с Кикимом они кое-как распахнули книгу и стали искать подходящее заклинание.

– Ура! Нашла! – воскликнула Макоша и затараторила магические слова:

Слово моё к облакам
Соколом быстрым лети,
К силам, живущим там,
Колдовство сумей донести.
Падай лучом к ногам,
Шаль ворожбы сними,
Тому, кто желает сам,
Облик прежний верни!

Едва она произнесла последние слова, книга захлопнулась, ярко вспыхнул огонь на лучинах, и серебристое облако окутало оцепеневшую

моль. Тут же бабочки превратились в чёрных гусениц с множеством шустрых лапок. Гусеницы подскочили и набросились на клубки шерсти.

– Что с ними стало? – дрожащим голосом произнёс Киким. – В кого они превратились?

– Любая моль раньше была гусеницей.

– Но почему они не стали лошадьми?

– Откуда я знаю? Видимо, мы выбрали не то заклинание... Зачем я только послушалась тебя...

Киким не успел ничего ответить, потому что гусеницы съели всю шерсть и прожорливо уставились на меховые шубки незадачливых колдунов, клацая челюстями.

– На помощь! – завопили друзья.

Ещё чуть-чуть, и не миновать им судьбы шерстяных клубков. Но тут распахнулась дверь, и на пороге появилась высокая фигура Деда Мороза. Недолго думая, он взмахнул посохом и превратил гусениц в ледяные статуи.

– Что же вы натворили? – покачал головой Дед Мороз.

Киким и Макоша виновато потупили взор.

– Зачем тройку мою с пути сбили?

– Мы хотели поскорее получить подарки, – хором ответили Киким и Макоша.

– Подарки? – задумался Дед Мороз. – Подарки ещё заслужить надо!

Ворвавшийся в землянку холод и строгий голос гостя развеяли глубокий сон лесной Кикиморы. Низенькая древняя бабка в выцветшем сарафане и аккуратно заштопанной рубаше появилась из-за печи. Затянув потуже платок, она вздохнула по-старушечьи и зашаркала к Деду Морозу.

– Не серчай, Морозушка! Прости непутёвых, – попросила она и сверкнула глазами на внучков. – Недоглядела я за ними...

– Где уж тут, когда сон одолевает, – посочувствовал Дед Мороз. Он обошёл ледяных гусениц, бывших когда-то прекрасной тройкой лошадей. – Кого же мне теперь в сани запрячь? Не этих же проказников – в наказание? Мой посох наделён такой силой, что расколдовать замороженных никто не сможет. Теперь они оттают только весной...

– А ты лосей кликни! – участливо предложила лесная Кикимора. – Или оленя.

– Лоси и олени собрались под ёлкой и ждут меня с подарками.

Не на шутку встревожился Дед Мороз: время за полночь, а сани его с мешком подарков в лесу стоят! Кем заменить лошадей? Ни волки, ни лисы не сдвинут полозья с места, а если и сдвинут, то сколько же их придётся в упряжку собрать?!

– Внучка моя тебе поможет! – хитро прищурившись, воскликнула лесная Кикимора. – Она не только усыплять умеет, но и пробуждать от глубокого сна!

– И чем же выручит меня её умение? – Дед Мороз задумчиво погладил бороду.

Какого же засоню, сильного и большого, можно в лесу отыскать? А как вспомнил, улыбнулся: по душе ему пришлась идея лесной Кикиморы. Лишь один такой зверь всю зиму спит, а пробуждается весной.

– Я дорогу покажу, – засуетилась древняя старушка. – У меня тут как раз одно семейство в берлоге спит!

Кикимора в лесу каждую тропинку, каждый кустик знала и легко нашла нужное место. Макоша быстро произнесла пробуждающее заклинание, и из берлоги вылезли три медведя.

– Выручайте, – попросил Дед Мороз, – а то в праздник останутся дети без подарков.

Медведи зевнули спросонья, потянулись и согласились. Встали они на место лошадей в упряжку и помчали сани по лесу, а Макошу и Кикима Дед Мороз взял в помощники. Они раскладывали подарки под праздничные ёлки и так старались, что нашёлся подарок и для них.

А колдовскую книгу лесная Кикимора надёжно спрятала, да и забыла, где. Теперь и не сыщешь.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Алёв Спиридонов

г. Заречный, 12 лет.

Суслик крапчатый

Все смеялись над сусликом, потому что был он чуть ли не самым маленьким из зверей, с ладошку, да ещё и в крапинку. Грустно ему было и обидно!

И вот однажды он побежал в город за журналистами. Рассказал о своей проблеме и попросил, чтобы они написали о нём какую-нибудь хорошую историю.

А журналист по имени Пётр спрашивает:

– Что про тебя написать?

– Ну, например, что мою нору занесли в книгу Гиннесса нашего леса, как самую узкую и глубокую. Это ведь я её вырыл. Тогда все звери меня зауважают.

– Зауважают на день да забудут быстро.

«Что же тогда делать?» – задумался суслик.

Журналист Пётр подумал и предложил зверьку:

– Может, они дразнятся потому, что ничего другого не умеют. Надо помочь им стать добрыми.

– Я не думаю, что всё так просто.

– А давай я тебя научу хорошим словам, чтобы ты мог рассказать о них своим задирам.

– А что? Отличная идея! – обрадовался суслик.

Рассказал Пётр про разнообразие слов и сколько среди них хороших и добрых. На каждого хватит! Оказалось, что про суслика можно сказать по-доброму, что он миниатюрный.

Поблагодарил суслик журналиста за то, что тот помог ему в жизненной трудности.

И с тех пор стали они друзьями. А вскоре суслик подружился и со своими обидчиками.

Медведю он сказал, что тот богатырь, а волку, что тот прекрасно воет на луну. Наверняка у него музыкальный слух. А они похвалили его крапинки – сказали, что те выглядят модно.

Звери поняли, как здорово говорить друг другу добрые слова и комплименты. Вот и к концу история подошла – удачи вам всем, друзья!

Софья Маркичева

г. Заречный, 12 лет.

Пёс и волк

Как-то раз решил волк поохотиться и отправился в лес. Бегаёт-бегаёт и вдруг видит: пушистый пёс сидит.

Стало Серому интересно, с каких пор собаки в лесу водятся. Решил волк подойти к псу, а тот волка увидел и как зарычит. Волк удивился такой храбрости.

Думает: «Это как так?! Пёс один в лесу и меня даже не боится! Странно».

Серый не успел и шагу ступить, как пёс увидел зайчонка и припустился за ним. Волк побежал следом, а пёс все быстрее и быстрее.

Прибежал к речке и остановился. Через пару минут прибежал и Серый. Отдышался и спрашивает пса:

– Что ты, Косматый, в лесу-то делаешь?

Собаки обычно в домах живут и охотятся-то максимум на кошек во дворе. Но чтобы по лесу бегать за зайцами и на волков рычать, я таких собак ещё не видал.

Пёс замахал хвостом и говорит:

– Я пёс домашний. Просто вышел как-то с хозяином на прогулку. Вижу – кошка, я за ней и рванул.

Она, видно, на дерево залезла, а я не заметил и дальше побежал.

Опомнился уже в лесу. Пока дорогу назад искал, перекусить захотел. И вдруг вижу: зайчик крупный скачет. Вспомнил, как на охоту ходил с хозяином, и решил поймать зайчишку.

А рычал я на тебя потому, что думал: ты добычу мою отнимешь. А ещё, если честно, я немного испугался. Не знал, что ты добрый.

– Ладно, Косматый, – говорит волк, домой-то собираешься? Хозяин, поди, переживает, ищет тебя.

– Не хочу домой, мы часто ссоримся с хозяином. Он меня после прогулки лапы мыть заставляет.

– Ну, и что ты теперь делать будешь? – спросил Серый.

– С тобой пока останусь.

– Ну, и оставайся. Охотиться тебя научу. Рыбу вместе в речке ловить будем. И остался пёс с волком жить. Жили дружно, даже спальное место одно на двоих соорудили. А потом пёс затосковал и домой пошёл, помирился с хозяином. Но волка всегда добром вспоминал.

Дима Белов

10 лет, г. Пенза, МБОУ СОШ № 57

Закат

Я видел болото красного цвета,
Оленей видел розовых летом,
На озере воду ало-атласную,
А рядом – ели бронзово-красные.
Кончился вечер, заката не стало,
И вся красота куда-то пропала.

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

ВСПОМНИМ

Пейзажи Александра Корабельникова¹

Можно ли в течение часа побывать в заброшенном рыбацком посёлке на Байкале и, увидев там закат, утро встретить в горах Кара-Дага, в Крыму, на воспетом Максимилианом Волошиным перекрёстке древних культур греков и скифов, полдень скоротать, побродив вдоль стен монастыря в Суздале, а минутой позже с борта теплохода созерцать синие, как синька, воды Босфорского пролива и на холме мечеть – вид наплывающего Стамбула? Перевёл взгляд чуть правее и уже сквозь морскую белесую дымку любишься Везувием и красотой Неаполитанского залива. Ещё миг, и ты из окна отеля смотришь на ночной Париж.

Эта «машина времени», позволяющая вернуться в прошлое и, презрев земное тяготение, переноситься из одной географической широты в другую, не выдумка фантаста, а реальный факт. Это выставка пейзажа в читальном зале ВТУЗа пензенского живописца Александра Алексеевича Корабельникова. Побывав на ней, я увидел себя в Торжке, воспетом А. С. Пушкиным, и в Муроме на берегу Оки, где в лесах наводил страх на православных Соловей-разбойник; в усадьбе Л. Н. Толстого в Ясной поляне; склонил голову у входа в часовню, где в склепе вечным сном спит М. Ю. Лермонтов – не заживающая, кровоточащая рана на сердце каждого русского. Я открыл для себя красоту лесистых берегов Суры и свежих просторов Сурского моря.

На выставке много натюрмортов, и если в натюрморте Корабельникова изображается черёмуха, то кажется, что она пахнет, если первый медонос – пушистая верба в вазе на голубовато-белой клетчатой скатерти рядом с сотами мёда, то телесно ощущаешь мелкую пыльцу и запах мёда. Всего в читальном зале втуза представлено около шестидесяти работ художника.

И. Мануйлов
(«За инженерные кадры», ППИ,
7 июня 1983 г.)

¹ Александр Алексеевич Корабельников – живописец (01.08.1925, д. Волково Тульской обл. – 29.12.2019, г. Пенза).

Василия Алексеевича Слепцова (17 (29) июля 1836 г. – 23 марта (4 апреля) 1878 г.). Он учился в Дворянском институте в Пензе. Автор фельетонов-обозрений, циклов очерков «Владимирка и Клязьма», «Письма об Осташкове», рассказов и драматических этюдов «Питомка», «Ночлег», «Свиньи», «Мёртвое тело», повести «Трудное время». Похоронен в г. Сердобске Пензенской области, где было их имение.

Дениса Васильевича Давыдова (27 июля 1784 г. – 4 мая 1839 г.) – знаменитого русского воина и поэта, который остался в истории как отважный командир отряда летучих гусар времён Отечественной войны 1812 года. В 1831 году Давыдов поехал навестить сослуживца в Пензу и без памяти влюбился в его племянницу, 23-летнюю Евгению Золотарёву. Страстный роман длился три года, пока Евгения не вышла замуж.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Глазунова Виктора Викторовича – 6 марта
Есипенко Галину Николаевну – 26 марта
Стёпочкину Нину Викторовну – 26 марта
Бахареву Ольгу Анатольевну – 31 марта
Смирнова Алексея Михайловича – 1 апреля
Красноярскую Лидию Владимировну – 2 апреля
Федянину Любовь Сергеевну – 16 апреля
Рузаеву Татьяну Александровну – 25 апреля

